DOI: 10.17976/jpps/2019.02.13

# ОБРАЗЫ РОССИИ: РАЗМЫШЛЯЯ ОБ ЭПОХАХ ПЕРЕМЕН

## Н.Н. Зарубина, А.В. Носкова

**ЗАРУБИНА Наталья Николаевна,** доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии, МГИМО МИД России, Москва, email: n.zarubina@inno.mgimo.ru; **НОСКОВА Антонина Вячеславовна,** доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России, Москва, email: a.noskova@inno.mgimo.ru

Зарубина Н.Н., Носкова А.В. Образы России: размышляя об эпохах перемен. – Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 173-183. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.13

*Статья поступила в редакцию: 11.12.2018. Принята к печати: 14.01.2019*

**Аннотация.** Статья посвящена рефлексии эмпирических данных многолетних мониторинговых исследований, представленных в коллективной монографии ученых Института социологии РАН "Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа". В качестве несомненного достоинства монографии отмечается богатство и многообразие данных, представляющих сложный, порой противоречивый образ России, прошедшей через эпохи радикальных трансформаций. Материалы позволили авторам выдвинуть предположение о дихотомии коллективной памяти россиян: изменчивости, непостоянстве исторической памяти – когнитивно-эмоционального восприятия исторических событий, но вместе с тем и относительной устойчивости социальной памяти как средстве воспроизводства социокультурной традиции в массовом сознании народа. Историческая память в трансформирующихся обществах выступает и основой солидарности, и фактором возникновения расколов и конфликтов на почве противоречий в понимании значимых событий прошлого. Авторы констатируют неопределенность, размытость коммуникативной, семейной и коллективной памяти о влиянии Октябрьской революции 1917 г. на судьбы отдельных семей и общества. Причины этого – недостаточность коммуникации между поколениями, отсутствие интереса к прошлому и выраженной идеологической оценки результатов революции. Позитивное отношение к советскому периоду сопровождается негативным отношением к революции как форме общественного развития, ей предпочитают некатастрофические формы развития, даже если фактически они оборачиваются "застоем". Устойчиво наблюдаемая в опросах россиян тенденция позитивного оценивать советский период интерпретируется авторами как проявление устойчивости социальной памяти. Исторический выбор между моделями централизованного общинного и либерального государства обусловлен стабильными представлениями о необходимости контроля государства над основными отраслями экономики и приоритете прав и интересов государства перед индивидуальными правами и интересами. Однако ни историческая, ни социальная память россиян не являются целостностью солидарно разделяемых идеалов, ценностных образцов и моделей оптимального государственного устройства. Впрочем, отсутствие у народа единого представления об идеале общественного устройства можно рассматривать как защиту от потенциальных революций и условие для созидательного поиска и строительства будущего страны через диалог гражданского общества с политической властью.

**Ключевые слова:** Институт социологии РАН, трансформации российского общества, исследования общественного мнения, историческая память, революция, модель государственного устройства, социальная память.

В 2018 г. в издательстве "Весь Мир" вышла коллективная монография ученых Института социологии РАН "Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа" [Двадцать пять лет... 2018]. В книге осмысляются обширные эмпирические данные, сочетающие результаты многолетних общенациональных мониторинговых опросов с результатами всероссийского социологического исследования "Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян", выполненного в октябре 2017 г. Впечатляет плотность цифрового и аналитического материала, позволяющая развернуть каждую из тринадцати глав монографии в отдельный том. Авторы постарались представить образ российского общества в "движении" – в сложных институциональных переходах от социализма к "дикому капитализму" 1990-х годов и построению современного правового государства в 2000-х годах. Короткий с точки зрения истории России, но эпохальный с позиции общественных перемен временной этап ученые представили без приглушения контраста социальных красок – с глубокими социально-экономическими проблемами, многоликой повседневностью, противоречивой системой социальных установок. В книге особое место отведено оценкам исторического прошлого страны как фактору влияния на восприятие россиянами социальных трансформаций. Обращение к исследованию исторической памяти в проекте, посвященном 25 годам социальных трансформаций в России, к тому же осуществленное в год столетия Февральской и Октябрьской революций 1917 г., было не просто логично, а необходимо. В нестабильных состояниях общества историческая память может стать как основой солидарности по оценкам тех или иных событий и персоналий, так и дополнительным фактором возникновения расколов и конфликтов на почве противоречий в понимании значимых событий прошлого.



Монография заставляет читателя размышлять над прочитанным, углубиться в тему, с чем-то согласиться, а в чем-то подискутировать с авторами об их толковании эмпирических фактов. Данные массовых опросов таят уязвимости интерпретации, обусловленные эффектом социально одобряемых ответов, возможным несоответствием между установками и реальным поведением людей в различных ситуациях (парадокс Лапьера), вариантностью трактовки одних и тех же цифр в силу мультипарадигмальности социологического знания и различием мировоззренческих позиций исследователей. С учетом этих обстоятельств есть потребность в "перекрестной интерпретации" данных как способе научной дискуссии. Подобная форма диалога между учеными придает импульс исследовательскому процессу выдвижением новых гипотез о том, каковы эти социальные трансформации и каковы мы – россияне? На основании прочитанного предположим наличие *дихотомии коллективной памяти россиян: изменчивости, непостоянстве исторической памяти – когнитивно-эмоционального восприятия исторических событий, но вместе с тем и относительной устойчивости социальной памяти как средстве воспроизводства социокультурной традиции в массовом сознании народа*.

## ДИНАМИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Важная составляющая исторической и социальной памяти – обращение к поиску в культурном наследии таких элементов – от норм поведения до событий и персоналий, – которые, будучи переосмысленными, могут *стать социокультурными и символическими образцами новых институтов и практик*.

С точки зрения социологии историческую память можно рассматривать в качестве социального конструкта, предполагающего проекцию на прошлое современных установок, его реинтерпретацию в целях легитимации актуальных социальных практик. В этом контексте социальное время обратимо – не только прошлое определяет настоящее и будущее, но наши представления о будущем и настоящем оказывают влияние на наше в*и*дение прошлого.

Процесс конструирования и воспроизводства исторической памяти имеет важное идеолого-политическое значение. Борьба за осмысление прошлого всегда нацелена в будущее – на подрыв единства общества через разнообразие (вплоть до раскола) оценок политических событий и государственных деятелей, низвержение "старых" героев и девальвацию их подвигов и прославление "новых". В конечном счете такая борьба нередко ведет к утрате народом самоуважения и его разочарованию в собственном государстве, в целях его исторического пути. Сегодня привычными становятся "войны памяти" – за формирование образа государства в прошлом, легитимирующего, подкрепляющего современные солидарности и стратегии развития. Яркий пример – "война с памятниками" советским воинам-освободителям в странах Центральной и Восточной Европы.

История России складывалась таким образом, что на каждом этапе социальных трансформаций, которые шли по инверсионному принципу, переоценивался и отрицался предыдущий этап; общественное сознание возвращалось к нему как к идеализированному "потерянному раю". В этом смысле историческая судьба нашей страны трагична – наследники Октябрьской революции производили переоценку тысячелетней истории Российского государства, победители 1990-х годов – переоценку советского периода (вспомнив про "Россию, которую мы потеряли"), наконец, сегодня власть проявляет интерес к переоценке радикальных рыночных реформ "лихих девяностых".



Иллюстрируя динамику взглядов различных поколений россиян на исторические факты (молодежь интерпретирует историю иначе, чем старшие поколения), авторы рассматриваемой монографии тем самым ставят важный вопрос об *историческом потенциале солидарности российского народа*, в основании которого – трансляция социально значимых ценностей и идеалов из глубин истории в настоящее и будущее страны. Однако феномен коллективной исторической памяти состоит как раз в том, что события, в которых сам человек не участвовал, воспринимаются не отвлеченно-безлично, а эмоционально-личностно. Для нашей страны событием, имеющим безусловное символическое значение для людей всех поколений, остается Великая Отечественная война. Эта память прошла через все трансформации, через критические переоценки многих событий и персоналий в период радикальных реформ 1990-х годов, потому что она поддерживается не только государственной "политикой памяти", но и живой коммуникативной памятью каждой российской семьи. Именно победа в Великой Отечественной войне является предметом гордости для большинства и историческим событием, объединяющим общество, вызывающим эмоциональный подъем. Она остается той "социальной рамкой" (М. Хальбвакс), той реперной точкой, которая организует пространство исторической памяти современных россиян.

## Октябрьская революция 1917 г. в оценках россиян

Трансформация установок по отношению к Октябрьской революции 1917 г. иллюстрирует возможность манипулирования исторической памятью народа.

Общественное восприятие революционных событий октября 1917 г. поменялось: их тотальное возвеличивание и сакрализация в годы советской власти в постсоветскую эпоху сменились плюрализмом оценок, педалированием негатива и в какой-то степени – забвением. Спустя сто лет после революции оценки этого события, отраженные в массовом сознании россиян, носят размытый, неоднозначный характер. Подтверждением последнего тезиса служит распределение ответов россиян на вопрос о влиянии Октябрьской революции 1917 г. на дальнейшее развитие страны: 29% опрошенных согласились, что от революции "пользы и вреда примерно в равной степени"; позитивное влияние Октябрьской революции отметили 21% респондентов, негативное – 19%, а 32% опрошенных затруднились ответить на этот вопрос [Двадцать пять лет... 2018: 303].

Социальная технология конструирования образа революции в массовом сознании советских людей нуждается в самостоятельном исследовании. Здесь выскажем предположение, что в свое время советская власть поощряла в обществе "забвение" личных семейных историй, семейного опыта переживания периода революции и гражданской войны, противостояния "красных" и "белых". И эта социально-политическая практика оказалась результативной. По данным исследования 2017 г., большинство россиян (50-60%) не знают, что делали и какую позицию занимали их предки в период революции и Гражданской войны [там же: 311]. Семейная коммуникативная память большинства сограждан не сохранила ключевой гражданской и социальной диспозиции их не столь уж далеких предков в переломный момент истории страны, которая имела первостепенную важность в первые послереволюционные годы, определяющую отношение к советской власти. Для современных россиян туманны представления о "потерях или обретениях семьи в результате прихода большевиков к власти". Около 40% респондентов заявляют, что им об этом ничего не известно, 32% считают, что их родственники выиграли, а 29% – что потеряли. Среди поколения нынешней молодежи отношение к событиям октября 1917 г. еще более диффузно: 57% из них не знают, выиграла их семья от революции или проиграла [там же: 310]. К сожалению, в тексте монографии не приводятся точные формулировки вопросов анкеты, но, судя по всему, вопрос о приобретениях и потерях конкретизировался для респондентов как получение доступа к вертикальной межпоколенной мобильности, шанс на которую дала предкам революция, а также как сетование на то, что при иных обстоятельствах они добились бы большего.



Люди не могут дать *однозначные* ответы и на другие аналогичные вопросы анкеты. Так, каждому второму опрошенному ничего не известно о том, "получили ли его предки от революции и установления советской власти выгоду". В период радикальных постсоветских реформ 1990-х годов пришедшие к власти и овладевшие сознанием большинства либеральные идеологи актуализировали память о репрессиях, несправедливости, потерях советского, особенно сталинского, периода. И, тем не менее, 48% респондентов не знают, пострадали их родственники от советской власти или нет [там же]. То есть приведенные в монографии распределения ответов на вопросы о влиянии Октябрьской революции, советской власти на судьбы семей содержат высокий процент воздержавшихся от однозначных ответов. Размытость, неопределенность семейной исторической памяти россиян, демонстрируемая этими данными и констатируемая авторами исследования [там же: 311], может быть объяснена фактором слабости коммуникативной межпоколенной памяти в современном

российском обществе. Отсутствие глубоких знаний о прошлом семьи свидетельствует о том, что в российских семьях все меньше прямой коммуникации между поколениями: у молодежи не развивается интерес к семейной истории, а старшие поколения мало делятся воспоминаниями. В период же перестройки и в начале 1990-х годов мы наблюдали своего рода бум: люди начали массово искать свои корни, восстанавливать генеалогические линии, проявляя интерес к "запретным" в советское время "непролетарским" корням.

Отсутствие интереса к истории семьи объясняется также фактором ускорения развития общества и его нелинейной динамикой, когда усиливаются разрывы преемственности и прошлое меньше влияет на настоящее и будущее, меньше способствует формированию идентичностей и легитимации современных практик. Для самоощущения статуса уже не имеет особого значения, каковы были социальная позиция, профессия, политические взгляды, даже уровень благосостояния предков сто лет назад, а знать "просто так" современный рациональный человек не стремится.

Иными словами, революция становится глубокой историей, уходя на периферию общественных и межличностных дискуссий, но в контексте вызовов современности феномен революции и отношение к нему широких слоев населения сохраняют актуальность для социальных исследований.

## СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ VS ЗАСТОЙ: ЧТО ВЫБИРАЮТ РОССИЯНЕ?

"Войны и революции не исчезают, а напротив, достигнут в XX в. беспрецедентного уровня, станут неизбежными и более грозными", – предвидел в начале XX в. П. Сорокин реалии рубежа XX-XXI столетий [Сорокин 1992: 427]. Мир захлебывается в новых революциях и войнах, меняющих культурный и институциональный облик стран мира. Смотрят ли граждане нашей страны на революцию как на силу, способную изменить существующий социальный порядок? Представленные в книге Института социологии данные иллюстрируют усталость россиян от революций – для большинства наших сограждан неприемлемы открытый социальный конфликт и радикализм, сопровождавшие переломные моменты истории России XX в. В целом позитивное отношение к советскому периоду сопровождается негативным отношением к самой революции как форме общественного развития. По мнению авторов монографии, позицию россиян можно сформулировать как "советская власть минус революция" [Двадцать пять лет... 2018: 316].



Исторические события, связанные с радикальными трансформациями, – Великая Октябрьская революция, при ее мировом историческом значении, горбачевская перестройка и ельцинский переход от социализма к рыночной экономике – не рассматриваются россиянами как предмет исторической гордости. Октябрьской революцией 1917 г. гордятся только 6% россиян, еще меньше респондентов – всего по 2%, – гордятся "гласностью и перестройкой периода М.С. Горбачёва" и "переходом России к рыночной экономике периода Б.Н. Ельцина" [там же: 2018: 187].

Неприятие россиянами "эпох перемен" и позитивное восприятие периодов спокойного течения жизни, даже если их можно назвать "застоем", подтверждают оценки разных периодов отечественной истории. В монографии показано, что, по данным опроса 2017 г. в сравнении с опросами 2001 и 2011 гг., оценки позднесоветского периода возвышаются, а периода радикальных "гайдаровских" реформ – напротив, снижаются, причем этот тренд держит-

ся с февраля 1992 г. [там же: 2018: 27]. Позитивные характеристики общества ассоциируются у большинства респондентов с брежневским социализмом, а негативные – с ельцинским периодом радикальных трансформаций.

Согласно исследованию 2017 г., более 50% россиян наделяют советское общество положительными характеристиками: "наличие идеалов", "доверие между людьми", "дисциплина, порядок", "мощная промышленность" и даже "быстрое экономическое развитие". Негативные же характеристики ("коррупция", "преступность" и т.д.) респонденты приписывают ему редко, относя их преимущественно к России времен Б. Ельцина [там же: 2018: 17]. Образ современной России выступает в сознании людей как коррекция проблем периода радикальных реформ, но уступающая советскому периоду по целому ряду значимых социальных качеств, таких как социальная справедливость, коррупция, разрыв между бедными и богатыми [там же: 2018: 181].

Практически все значимые символы, которыми гордится большинство россиян, относятся к советскому периоду – победа советского народа в Великой Отечественной войне (76%), восстановление страны после Великой Отечественной войны (59%), успехи космонавтики, особенно первый полет в космос Юрия Гагарина (46%) [там же: 187]. Наиболее высоко оцениваемое, достойное гордости событие в современной истории России – воссоединение с Крымом [там же: 192] – символ авторитета в мире и самостоятельной внешней политики, ассоциируется с восстановлением того, что страна утратила в период реформ 1990-х годов.

Противоречия, проблемы, трудности, сопровождающие социальные трансформации, способствуют возникновению ностальгии по прошлому, однако отношение к советскому прошлому обусловлено не только этим. Важной детерминантой выступают *пласты социальной памяти* россиян, отвечающие за сохранение взглядов на внутригосударственное устройство России, о которых идет речь в соответствующей главе монографии.



**ОПТИМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВА: КАКОЙ ЕЕ ВИДЯТ РОССИЯНЕ?**

Тема поиска оптимальной модели государственного устройства России неоднократно поднималась в переломные моменты исторического развития. Общественное звучание этот вопрос получил во второй половине XIX – начале XX вв. в связи с процессами социальной и экономической модернизации российского общества. Со времен раскола российских интеллектуалов на западников и славянофилов отличительные параметры европейского и российского внутригосударственного устройства стали средоточием научных дебатов. Сравнение моделей государства включало как минимум два аналитических локуса: степень вмешательства государства в экономическую сферу и тип взаимоотношений между государством и личностью. По этим основаниям российское централизованное государство противопоставлялось западному либеральному типу. Так, ученые XIX-XX вв. и наши современники отмечали, что в России государство играло гораздо более важную роль в экономической жизни, чем в западных странах, проводило политику протекционизма, осуществляло контроль за работой важнейших отраслей хозяйства и перераспределительные функции [Шкаратан, Лексин, Ястребов 2015: 113-114]. Сложившийся в нашей стране централизованный, мобилизационный тип государства породил представления о приоритете его интересов по отношению к интересам и правам отдельной личности. В то же время исследователи отмечали наличие в русской культуре и мощных противоположных тенденций [Бердяев 1990: 12-14].

Не разрывая связь с научной традицией, ученые Института социологии РАН использовали принцип сопоставления моделей государственного устройства при выявлении и анализе восприятия оптимальной модели государства в массовом сознании современных россиян. Поэтому операционализация понятия "восприятие оптимальной модели государства" свелась к двум переменным (элементам модели): 1) "взгляды россиян на соотношение интересов государства и прав отдельного человека" [Двадцать пять лет... 2018: 81], 2) "взгляды россиян на присутствие государства в управлении экономикой и другими сферами общественной жизни: медицины, образования, искусства, СМИ" [там же: 96-97]. В качестве исследовательского задавался вопрос о модели государства, к которой ментально тяготеют современники. Замеры мнений россиян по данному вопросу в период с 1998 по 2017 гг. и их сопоставление [там же: 97] ориентированы на определение градуса поворота установок за эти годы от советской в сторону западно-либеральной модели внутригосударственного устройства страны.

По результатам эмпирического исследования, проведенного в 2017 г., россияне примерно поровну делятся на сторонников и противников приоритетности прав человека по отношению к интересам государства [там же: 81-82]. Так, 33% опрошенных согласились, что "права человека должны преобладать над интересами государства"; 24,6% не согласились с этим и 42,4% затруднились ответить. Напротив, с суждением, согласно которому "интересы государства должны преобладать над правами отдельного человека", согласились 29,1% опрошенных; 35,8% не согласились и 35,1% затруднились ответить. Сами авторы монографии отмечают, что доля тех, кто затруднился с ответами, "очень велика" [там же: 81]. Большое число респондентов, не определившихся с ответом, можно объяснить абстрактностью формулировки вопроса, содержавшей когнитивную сложность и смысловую неоднозначность. Респондент мог задуматься, о каких правах и интересах идет речь? Россияне, знакомые с Конституцией Российской Федерации, наверное, вспомнили фразу из главы "Права и свободы человека и гражданина" о том, что "государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина..."[1]. Иными словами, гарантированная защита прав гражданина – один из ключевых интересов государства, зафиксированных в Основном законе.



Перейдем к характеристике второго элемента модели. Россиянам предлагалось высказать мнение о роли государства в управлении ключевыми сферами экономики и социальной жизни. В качестве альтернатив давались на выбор следующие варианты определения ситуации: "ключевые отрасли экономики и социальной сферы (их перечень предлагался респондентам) полностью управляются государством", "ключевые отрасли экономики и социальной сферы управляются государством и бизнесом на паритетных началах", "отрасли экономики и социальной сферы полностью управляются бизнесом". Большинство россиян посчитали, что ключевые отрасли экономики и социальной сферы должны находиться "под полным управлением государства": 76% россиян высказались за контроль государства над электростанциями, 73% – над добычей нефти, 73% – над пенсионными фондами, 72% – над школами и вузами, 63% – над металлургическими и машиностроительными заводами, 61% – в эксплуатации жилищного хозяйства. Около половины россиян поддерживает идею партнерства между государством и бизнесом в управлении СМИ (52%), производством продуктов питания (55%), сферой искусства – театрами, музеями, библиотеками (46%).

[1] Конституция Российской Федерации. *Официальный сайт.* URL: http://www.constitution.ru/ (accessed 08.12.2018).

Интересна ситуация с банковской сферой – мнения россиян разделились практически поровну на тех, кто видит управление этой сферой исключительно за государством (52%) и тех, кто допускает паритет в управлении между государством и частным сектором (46%). Доля тех, кто выступает за рыночный принцип управления социально-экономическими отношениями без вмешательства государства, очень мала в отношении всех сфер общественной жизни. Разброс значений этого показателя составляет от 3% (вузы, пенсионные фонды) до 16% (СМИ, производство продуктов питания).

Распределение ответов респондентов в пользу государства как единственного субъекта управления (при том, что люди четверть века живут в другой социально-экономической реальности) иллюстрирует прочную мировоззренческую установку россиян на приверженность традиции в отношении роли государства в контроле над экономикой и институтами социальной сферы. И это несмотря на то, что большая доля россиян (37%) отмечает "коррупцию и засилье бюрократии" в качестве ситуации, вызывающей у них тревогу [там же: 62], а в рейтинге проблем эта позиция занимает пятое место из 19 возможных, опередив "безработицу" – 29% и "рост алкоголизма и наркомании" – 26%. Сопоставление этих данных говорит о том, что в массовом сознании россиян государство не сводится к политической и чиновничьей элите. Скорее подтверждается тезис, что "отношение нашего народа к государству сложное и многомерное. В нем проявляется широкая мировоззренческая палитра – от сакрализации до радикального анархизма" [Васильев 2016: 58]. Магнетическая сила советского периода для россиян обусловлена их особым отношением к государству. Людей привлекает не столько социализм как политическая система и не коммунизм как образ справедливого общества, сколько советская "державность". Именно с ней связаны вызывающие гордость позитивные символические события, а также авторитет государства в мире, влияние на мировую политику и мировое развитие [Двадцать пять лет... 2018: 316].



Обозначим возможные объяснительные контуры феномена неприятия рыночных институтов в массовом сознании россиян. Во-первых, нужно учитывать свойство "устойчивости институциональных матриц" и силу их воздействия в формировании системы предпочтений [Кирдина 2014: 243]. Во-вторых, сработал эффект усиления доверия к институту государства на фоне слабого доверия к бизнесу и институтам рынка, генерирующего острые формы неравенства в материальном благополучии и образе жизни россиян, а также новый тип социально-экономических отношений, основанный на жесткой конкуренции. По результатам опроса 2017 г. каждый второй опрошенный россиянин считает большой потерей для российского общества резкое разделение населения на богатых и бедных, произошедшее в 1990-е годы и устойчиво воспроизводящееся в 2000-е годы [Двадцать пять лет... 2018: 42]. В-третьих, смена социокультурных ориентиров в 1990-е годы деструктивно проявилась на микроуровне человеческих отношений.

Неподготовленный к жесткому капитализму человек оказался в психологически некомфортной социальной среде. По данным эмпирического исследования 2017 г., агрессия и цинизм в людях на порядок усилились [там же: 182]. Этот факт отметили 61% опрошенных россиян. Наоборот, ослабли такие качества, как искренность (59%), уважение к старшим (57%), бескорыстность и готовность помочь другому, душевность (56%). Именно с советским периодом респонденты, особенно пожилые, связывают позитивные человеческие качества и такие характеристики повседневной жизни, как "наличие идеалов", "жизнерадостность", "доверие между людьми", "любовь к Отечеству", а вот "страх" и "бездуховность" относят к "лихим девяностым" [там же: 179-180].

Нельзя полностью согласиться с авторами монографии, что случилась "антропологическая трансформация" [там же: 182] – люди все же в целом остались теми же. Рост агрессивности на фоне дефицита доброжелательности, душевности, бескорыстия вызван не "моральной эрозией", а влиянием рыночной конкурентной среды. Принципы социальной жизни советского общества, основанные на коллективной взаимопомощи и социальном участии, сменились на рациональность и конкуренцию во всех сферах жизни. Иная социальная среда стимулирует другие поведенческие реакции. Моральные качества культивировались в советском общественном сознании, начиная с самых первых ступеней образования. Сегодня же "принципы коллективной взаимопомощи, товарищеского участия исчезли из списка обозначенных приоритетов в работе со школьниками в нашей стране, а также слабо прослеживаются в общественном дискурсе в целом" [Носкова, Титова 2016: 62-63]. Отказ от этих принципов общественной жизни, и в этом можно полностью согласиться с авторами монографии, порождает ностальгию по СССР – ностальгию по солидарным общественным отношениям.

Возможно, так проявляется тихое бунтарство против власти, которая инициировала процессы либерализации социально-экономических отношений "сверху". Аргументируя данный тезис, обратимся к исторической ретроспективе. По словам историка Б.Н. Миронова, модернизация российского общества, сопровождающаяся трансфером западноевропейских институтов, осуществляется уже в течение 300 лет [Миронов 2018: 94]. При этом социальным актором изменения институциональных структур и социокультурных норм по либеральным западным образцам исторически была правящая элита. На тот факт, что "либеральный проект" исторически насаждался "сверху", т.е. "инициатива исходила от всесильного государства" [Лапкин 2011: 45], указывают многие отечественные специалисты. Так, И.К. Пантин отмечает, что "со времен Петра I начинается специфический российский способ 'европеизации' страны, получивший наименование догоняющего развития, когда под воздействием сил европейского, шире, мирового масштаба государственная власть ломает прежний уклад жизни населения, искусственно насаждая новые, сообразующиеся с западными формами отношений в обществе и экономике" [Гусейнов и др.... 2008: 56].



Так было и с реформами середины XIX – начала XX вв., несмотря на прогрессивный характер и следование логике цивилизационного развития, породившим социокультурную аномию и социальную напряженность. Рост протестных движений "стал плодом прогрессивных социальных изменений в обществе, последствием предоставленной экономической и гражданской свободы огромной массе прежде бесправных людей, результатом развития рыночной экономики и невероятного прежде роста потребностей и ожиданий" [Миронов 2013: 34]. Следуя своим представлениям о модели общественного устройства и коллективной жизни, народ, протестуя, отвергал социальные инновации, привнесенные властью извне. Так, разрушение общинного строя реформами Петра Столыпина стимулировало поворот простого народа к Октябрьской революции 1917 г., в результате которой в советские годы произошел возврат к традиционной модели государственного устройства – "во многих отношениях был воспроизведен социальный строй русской передельной общины" [Миронов 2018: 93].

Разворот общественного сознания в сторону западных либеральных принципов функционирования общественных институтов в 1990-е годы тоже произошел с подачи политической власти. А далее в течение 25 лет государство самоустранялось от контроля над ключевыми сферами управления экономикой и передавало

в руки частного бизнеса природные и энергетические ресурсы, отрасли химической и металлургической промышленности. Такой формат социального порядка противоречит представлению россиян об оптимальной модели государства. *Инерционная сила социокультурной памяти* проявляется в установках россиян на усиление роли государства в экономике, политике и социальных процессах. Эту идею поддержали 71% россиян, опрошенных в октябре 2017 г. [Двадцать пять лет… 2018: 130].

## ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ПОИСК СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И СИМВОЛИЧЕСКИХ ОБРАЗЦОВ НОВЫХ ИНСТИТУТОВ И ПРАКТИК

У россиян нет консолидированного представления о том, какой должна быть оптимальная модель государственного устройства. Ни один из периодов отечественной истории – царский, советский, ельцинский, современный, – не признается солидарно "соответствующим представлениям о том, какой должна быть Россия". В качестве идеального воплощения 20% респондентов вспомнили о последних десятилетиях советского периода и 19% выделили Россию 2000-х годов, но 39% опрошенных выбрали ответ "никакой" [там же: 315].

Данные социологических опросов говорят не столько о неоднозначном восприятии прошлого и настоящего, сколько об отсутствии разделяемого коллективным сознанием четкого представления об образе желаемого будущего. Впрочем, такое состояние общественного сознания может вызывать и оптимизм – отсутствие у народа единого и однозначного представления о своем "Городе солнца", возможно, есть защита от потенциальных революций и условие для созидательного поиска и строительства будущего страны в диалоге между силами гражданского общества и политической властью.



DOI: 10.17976/jpps/2019.02.13

# IMAGES OF RUSSIA: REFLECTING ON THE ERAS OF CHANGE

**N.N. Zarubina[1], A.V. Noskova[1]**

*[1]Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

**ZARUBINA, Natal'ya Nikolaevna,** Dr. Sci. (Philos.), Professor, Professor of the Department for Sociology, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), email: n.zarubina@inno.mgimo.ru; **NOSKOVA, Antonina Vyacheslavovna,** Dr. Sci. (Soc.), Professor, Professor of the Department for Sociology, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), email: a.noskova@inno.mgimo.ru

Zarubina N.N., Noskova A.V. Images of Russia: Reflecting on the Eras of Change. – Polis. Political Studies. 2019. No. 2. P. 173-183. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.13

*Received: 11.12.2018. Accepted: 14.01.2019*

**Abstract.** The article analyzes the empirical data of long-term monitoring studies presented in the collective monograph of scientists of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences "Twenty-Five Years of Social Transformations in the Assessments and Judgments of Russians: The Experience of Sociological Analysis". The monograph presents rich and diverse data on the complex and sometimes contradictory image of Russia. On the basis of this data, the authors suggest the dichotomy of the collective memory of Russians: while the historic memory of Russians is variable and inconstant, their social memory as a means of reproducing sociocultural tradition in the mass consciousness is relatively stable. Historical memory in transforming societies serves both as the basis of solidarity and as a factor in the emergence of cleavages and conflicts due to contradictions in the understanding of significant events of the past. The authors state the uncertainty, blurring of the communicative, family and collective memory of the influence of the October Revolution of 1917 on the fate of individual families and society. The reasons for this are the lack of communication between generations, the lack of interest in the past and the lack of a pronounced ideological assessment of the results of the revolution. A positive attitude to the Soviet period is accompanied by a negative attitude to the revolution as a form of social development. Preferred are non-catastrophic forms of development, even if in fact they lead to stagnation. The tendency of positive evaluation of the Soviet period, which is consistently observed in Russian polls, is interpreted by the authors as a manifestation

of the stability of social memory. The historical choice between models of a centralized communal and liberal state is conditioned by stable ideas about the need for state control over the main sectors of the economy and the priority of state rights and interests over individual ones. However, neither the historical nor the social memory of Russians represents shared ideals, value models and models of an optimal state structure. However, the people's lack of a single vision of the ideal of a social structure can be viewed as protection against potential revolutions and a condition for creatively searching and building the country's future through a dialogue of civil society with political power.

**Keywords:** Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, social transformations, public opinion, historical memory of Russians, revolution, model of the state, social memory of Russians.

**References**

Berdyaev N.A. 1990. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: Sovetskii pisatel'. 345 p. (In Russ.)

*Dvadtsat' pyat' let sotsial'nykh transformatsii v otsenkakh i suzhdeniyakh rossiyan: opyt sotsiologicheskogo analiza*. Pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petukhova [Twenty-Five Years of Russian Transformations: Experience of Sociological Analysis. Ed. by M.K. Gorshkov and V.V. Petukhov]. Moscow: Ves Mir Publishers. 2018. 384 p. (In Russ.)

Gusseynov A.A., Pantin I.K., Tretyakov V.T., Glinchikova A.G., Kara-Murza A.A., Fyodorova M.M., Alekseyeva T.A., Shubin A.V., Altvater E., Kagarlitzky B.Yu., Chizhkov S.L., Kudyukin P.M., Klyamkin I.M., Tzymbursky V.L., Sytin A.G., Pantin V.I, Vodolazov G.G. 2008. Democracy: Universal Values and Diversity of the Historical Experience (Materials of the Round Table of the Philosophy Institute of RAS, "Polis" and "Political Class" Journals). – *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 55-73. (In Russ.)

Kirdina S.G. *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii: vvedenie v X-Y-teoriyu. 3-e izd.* [Institutional Matrices and Development in Russia. An Introduction to X&Y Theory. 3d ed.]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. 2014. 468 p. (In Russ).

Mironov B.N. 2013. Russian Revolution of 1917 as a By-Product of Modernization. – *Sociological Studies*. No. 10. P. 29-39. (In Russ.)

Mironov B.N. 2018. Modernization of Russia in XVIII–XX Centuries as a Convergence Project. – *Sociological Studies*. No. 6. P. 91-103. (In Russ.) https://doi.org/10.7868/s0132162518060089

Noskova A.V., Titova M.A., Vasil'ev A.A., Kishkin M.I. 2016. Out of family: "Foster Care System in Modern Russia. – *Sociological Studies*. No. 8. P. 54-64. (In Russ.)

*Rossiya kak tsivilizatsiya: Materialy k razmyshleniyu*. 2014. Pod red. O.I. Shkaratana, V.N. Leksina, G.A. Yastrebova [Russia as a Civilization: Readings for Reflections. Ed. by O.I. Shkaratan, V.N. Leksin, G.A. Yastrebov]. Moscow: Mir Rossii. 464 p. (In Russ.)

Sorokin P.A. 1992. Krizis nashego vremeni [The Crisis of Our Age]. – *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politicheskoi literatury Publishers. P. 427-504. (In Russ.)

Vasil'ev A.A. 2016. State and Law in the Minds of the Russian People. Notes and Reflections. – *Bulletin of Saratov State Law Academy*. No. 12. P. 57-62. (In Russ.)

**Литература на русском языке**

Бердяев Н.А. 1990. *Судьба России*. М.: Советский писатель. 345 с.

Васильев А.А. 2016. Государство и право в сознании русского народа. Заметки и размышления. – *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. № 12. С. 57-62.

Гусейнов А.А., Пантин И.К., Третьяков В.Т., Глинчикова А.Г., Кара-Мурза А.А., Федорова М.М., Алексеева Т.А., Шубин А.В., Альтфатер Э., Кагарлицкий Б.Ю., Чижков С.Л., Кудюкин П.М., Клямкин И.М., Цымбурский В.Л., Сытин А.Г., Пантин В.И., Водолазов Г.Г. 2008. Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 55-73.

*Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа*. Под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. 2018. М.: Весь мир. 384 с.

Кирдина С.Г. 2014. *Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию*. Издание 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. СПб.: Нестор-История. 468 с.

Лапкин В.В. 2011. Моделирование российской политической истории. Введение в теорию эволюционных циклов автохтонного развития России. – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 33-51.

Миронов Б.Н. 2013. Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации. – *Социологические исследования*. № 10. С. 29-39.

Миронов Б.Н. 2018. Модернизация России в XVIII–XX вв. как конвергенционный проект. – *Социологические исследования*. № 6. С. 91-103. https://doi.org/10.7868/s0132162518060089

Носкова А.В., Титова М.А., Васильев А.А., Кишкин М.И. 2016. Дети вне семьи: фостерные практики в России. – *Социологические исследования*. № 8. С. 54-64.

*Россия как цивилизация: Материалы к размышлению*. 2015. Под ред. О.И. Шкаратана, В.Н. Лексина, Г.А. Ястребова. М.: Редакция журнала "Мир России". 464 р.

Сорокин П.А. 1992. Кризис нашего времени. – *Человек. Цивилизация. Общество.* М.: Издательство политической литературы. С. 427-504.